

Е л е н а Ш В А Р Ц

ДИКОПИСЬ
ПОСЛЕДНЕГО
ВРЕМЕНИ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІ

Земля добрая

Луна висела как белая березка,
как вареной комок.
Сплелась в нее луна, пыльные растения,
белая луна, вьющиеся растения и белая березка,
Воздух как иволга и волосок.

Я проскрипала, платки крошечные...
Луна плыла в задымленных окнах.
" Земля добрая " и " голубой лес "
Шелест и висок мы едем до неба,
" И больше как и сейчас в ночи "

2000.

Елена Шварц

Е л е н а Ш В А Р Ц

ДИКОПИСЬ
ПОСЛЕДНЕГО
ВРЕМЕНИ

НОВАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІ

ББК 84. Р7
Ш 33

Марка издательства работы
Сергея Семенова

ISBN 5-89803-071-9

© Е. Шварц, 2001.

*Памяти моей мамы
Дины Шварц*

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

Я так люблю огонь,
Что я его целую,
Тянусь к нему рукой
И мою в нем лицо,
Раз духи нежные
Живут в нем, как в бутоне,
И тонких сил
Вокруг него кольцо.
Ведь это дом их,
Скорлупа, отрада,
А все другое
Слишком грубо им.

Я челку подожгла,
Ресницы опалила,
Мне показалось — ты
Трепещешь там в огне.
Ты хочешь, может быть,
Шепнуть словцо мне светом,
Трепещет огонек,
Но только тьма во мне.

I

КОРОНА
(Столпник, стоящий на голове)

Ты — царь, живи один.
А. П.

Я — царь, поверженный, лишенный
Воды, огня,
Но древнюю зубчатую корону
Не сдернете с меня.
Сей обруч огненный,
Печать, золотой обол,
Сияет надо мной, —
Чтоб в пропасти нашел
И в круг провеял Дух,
Сметая прах с нее.
Сей крошечный воздух —
Вот царство все мое.
И это есть мой столп —
Но не пятой босой
В него — а вздернув лоб,
Врастаю головой.

Никого, кроме Тебя,
Больше нету у меня,
Свет жестокий, Бог.
Разве взвесил ты, измерил
Бремя груза Твоего?
Мое сердце меньше боли,
Горя своего.
Ехать дальше нету силы,
Смерть насквозь изъела жилы,
Жизнь куснула щеткой жал.
Никого, кроме Тебя,
Нету больше у меня,
Никого же, ничесо же —
Кроме боли и огня.
Божеская немота,
Человечья глухота,
Над Тобою высота,
Под Тобою глубина,
Высота и глубина.
И в одном глазу лазурном
Дырочка видна,
А в другом глазу пурпурном
Нету дна.

Есть существа, чьи сны — молитва.
Едва заснут — бегут всё выше,
И горячо и быстро Имя
Господне говорят в подушку,
И просыпаются внезапно,
Твердя — Спаситель, Элохим.

А днем у них глаза пустые,
Слова неверней тонкой тени,
Все дни их — вычет. Ночи ждут,
Едва ли зная — что простые
Своих монахи сновидений.

Старушка махонькая — так,
Старушка худенькая — тик,
И замолчала вдруг...
И с ней сомлела я навек
И вмиг.

Я горе горькое горé
Отдам,
Она расскажет на заре
Шипам своим, цветам.

И вот уже я не в аду.
Смотрю, все позабыв, —
Как выдувает стеклодув
Шар новой головы.

декабрь 1998
Корабль в Балтийском море

Я думала — меня оставил Бог,
Ну что с того — он драгоценный луч
Или иголка — человек же стог. Жесток...
Я отвернулась от него — не мучь.
Но кто из нас двоих жесточе и страшней?
Конечно, тот, кто не имеет тела, —
Он сделал нас бездонными — затем,
Чтобы тоска не ведала предела.

Провиденс

ПРИ ЧЕРНОЙ СВЕЧЕ

С помраченным сознанием
Статью о цветах напишу,
И, осыпавшись пеплом,
Увядшею розой дышу.
А потом через город
Плестись, иль бежать, иль ползти
Через трубы подземные,
Повторяя: прости!
Так и ворон подстреленный
Машет последним крылом,
Хоть и стал уже дымом
И черным в небе цветком.

Я клянусь перед страшной
Черной свечой,
Что я Бога искала всегда,
И шептала мне тьма: горячо!
Распухали слова изнутри,
Кривились тайным смешком,
Я в слезах злою ночью
Обшарила дом,
Надрезала Луну
И колодец копала плечом,
И шептала вдогонку белая тьма:
Вот уже, вот уже, горячо!
Только сердце в потемках
Стояло мое за углом
И толкалось, как прорубь,
Расцветая черным цветком.

СИЛА ЖИЗНИ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В СВОЮ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Когда поле в угольной крошке
Зелеными прыщами плюется в лето,
Когда мать, потерявшая сына,
Нового в чреве носит — это
Сила жизни — она и в комете,
На луне — гроза, в пропасти мошка, в сердце — заплатка.
Нефти сытый фонтан,
Брызнувшая волосом пятка —

Сила жизни. Но есть ее антипод —
Жизнь все время свой хвост грызет,
Льется, захлебывается, прет
Через край, — превращаясь в двойник, —
Как зломудрый младенец,
Как сладострастный старик.

КОРАБЛЬ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

На днище в ночь летящего парома,
Рыдая на его котлах,
Рождение и смерть я проклинала,
Грозя рукою яме в небесах.
А до небес так все равно далёко —
Через палубы и рубку напролом,
Со дна морей горело злое око,
Буравило и замышляло взлом.
Я не была Ионой в чреве рыбы,
В каморке колотясь пустой,
Заламывая руки, как на дыбе.
Меня не выблюет чудовищная глыба,
Ей контрабандный дорог золотой.

Черно-белая снежинка
В голове моей лежит...
Или это паутинка?
Кругло-острая крупинка
Веко правое свербит.

Вот умру я — уже скоро —
И мохнатый снег пойдет,
Черно-белая снежинка
Тебе в ухо упадет.

И пойдет она кружиться,
И пойдет она расти,
Но тогда уже с тобою
Будет нам не по пути.

ЧТО ДЕЛАТЬ С СИРОТОЙ (Инструкция)

С. Стратановскому

Сироте... Сироту... Ой вы, люди и звери,
Что же делать еще с сиротой —
По весне его в небо кидают в сапогах землемеры,
Мерят небо его пустотой.
Что ж, ты хочешь сказать: сирота — это мера,
Мера всех измеримых вещей?
Ничего не хочу, в сироту только верю —
Как в наживку — он слаще червей.
На него ты поймаешь белую в обморок птицу
Или рыбу в придонных цветах,
А на сонной воде может Сам им прельститься —
Бог клюет хорошо в камышах.
Сиротой не согреешься — не загорится,
Но поставь на окно как маяк —
Перед ним на шажок, волосок, на крупицу
Отступает дымящийся мрак.

Так надрывно и длинно вопил паровоз
(Он по небу развозит пар).
Он промчался, взывая, чрез сердце мое,
Чрез его опустевший вокзал.
И потом он так долго кричал в полях,
Источая с одышкой пар,
Только волк за болотом подхватил этот вой,
Потому что он зол и стар.
И всю ночь я душила душу свою,
Как снимают со свечек нагар,
Представляя дрожащие рельсы и даль
И к Хабаровску мчащийся пар.

ГНОМ ТРЕХГЛАЗЫЙ

Меж шумом жара
Ядра земного
И гулом моря
Всегда ночного —
Шахтерствует трехглазый
Упорный гном,
Пронзая тьму зеленым
И тройственным лучом.
Он то к огню на лоно,
То к днищу моря никнет,
И море вскрикнет.
Плывет, как будто лодка, тонет.
Плывет и тонет.
Меж лавой и водой
Буравит он проход,
Меж тьмой и тьмой,
Когда он их сольет —
То чья возьмет?
Когда устанет он — прыжком
В глубины — белкою
И корни древних городов
Грызет зубами мелкими.
Ты спросишь — как забыть его?
Вслед чистому уму
В лазурной яркости витать,
Неведомой ему.

ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ № 3

Над ядром земным, обжигая пятки, пробегать,
Рассыпаясь в прах, над морями скользить,
Солью звезд зрачки натирать
И в клубочек мотать жизни нить.

Сколько слез! Сколько жемчуга!
Надо глотать их!
В животе они станут пилюлей бессмертья —
Это круг моих ежедневных занятий.

Говорить всем сразу — сюда! И — прочь!
Левым глазом читать, а правый
Скашивать вправо. Вот, право,
Это все, что я делаю день и ночь.
Потеряю во тьме свое имя
И охриплым голосом стану петь я,
Все забуду и снова вспомню,
И друг друга толкают мои занятия,

И упорствовать в том, что ночь не для сна —
Для него — напатырный настойчивый день,
И всегда не сама, и всегда не одна,
Как небесное облако ширится лень,
И смотреть, как пульсирует жилка в запястье
И в нем кружится жизни моей колесо,
И как белка всегда торжествующий враг,
Почему-то я в его власти.
Вот собака бродячая, как несчастье.
Я не Бог — я жалею собак.

Не плясала б я на крыше —
Не разлилась бы в небе заря.
Не хочу быть ни ниже, ни выше
Золотого земного царя.
То ль смирение, то ли гордость —
Но тогда удается житье,
Когда выльется доверху в форму
И замрет, застывая, литье.

24 февраля

В поезде из Нью-Хейвена в Нью-Йорк

ПИСЬМО В ГОРОД ПРОВИДЕНС ПОЭТУ ХЕНРИ ГУЛЬДУ

На вершине часа в свой черед
Цифра-птица запоет.
Какие странные настенные часы —
Как будто Китс придумал их завод.
Когда у Вас кричит сова
И это означает полночь,
Ворона корочку сухую
Роняет в форточку мою.
И я сама часов ущербней —
Без стрелок — оттого верней,
При солнце я хрипливей чайки бедной,
Зимою — пышный соловей.
Во тьме глухой он, не надеясь,
Поет, что он оставлен Богом,
Но друга непонятная любовь
Обетованьем служит...

И через океан две птицы
Поют навстречу — где сольются,
Под волны пенье упадает,
Жемчужина болит и зреет
Под грубой складчатой корою.

САМОУБИЙСТВЕННОЕ МОРЕ

Когда выплачешь море,
То и кончится горе.
Едкое из глаз сочится
По слезинке в час,
Будто хочет броситься в землю,
Вылиться через нас.
Горькое на вкус, теплое для уст,
Но вот уж источник пуст.
Лилось оно, сочилось,
Кончилось — нет его.
Тут все, что было на дне, в глубине,
Прихлынуло тоже ко мне,
Все его осьминоги,
Кораллы и камни
Толкают изнанку глаз,
Хвостами, мордами злыми,
И выскочат вместе с ними.
Почему с моими?
В каких же ты было, море,
Погибельных местах,
Что решило вдруг раздробиться
В человеческих скудных слезах?

Слезы льются по горлу
И превращаются в брюхе
В мелкий горбатый жемчуг.
Их глаза проливают,
Отворачиваясь от мира
В хаос своей головы, —
Черные с белым зрачком
Слезы горькой водою
Были, а блещут огнем.

Кто соберет эту жатву?
Этого я не знаю,
Слезоточивый колос,
С краю растущий, с краю.

Мы с кошкой дремлем день и ночь
И пахнем древне, как медведи,
Нам только ангелы соседи,
Но и они уходят прочь —
Нам не помочь.

Кругом бутылки и окурки,
Больная мерзость запустенья.
В нас нет души, лежим как шкурки,
Мы только цепкие растенья,
Нам нет спасенья.

Дурман, туман, ночная ваза,
Экзема, духота — всё сразу.
И время не летит (зараза!),
А словно капля из пореза,
Плывет не сразу.

О нет — не только голова,
А всё кругом в табачном пепле,
Тоска в лицо влетает вепрем,
Ум догорает, как листва
По осени. Конец всему?
И мне, и горю моему.

РАЗГОВОР С КОШКОЙ

«Я выпью, а закусишь ты», —
Я кошке говорю, а та
Мне отвечает торопливо
Ударом пышного хвоста.
«Пусть плачущие будут как не
Плачущие — кто, кошка, так сказал? Не Петр?»
Она не отвечает мне,
Упорно, молча гложет шпроту.
От мертвых нет вестей, а странно:
Из смерти ль трудно вырыть лаз?
Она, понурившись, мурлыкнет,
Но зорких не отводит глаз.

Б. Ахмадулиной

Напрасно мною выстрелит метро
В пустое сердце мокрого проспекта,
Меня не видно, я никто, ничто,
Я выпала из радужного спектра.

Напрасно мною выстрелит метро.
В его стволах ружейных мчась напрасно,
Я раню жизнь, царапнув только рот,
Но это не смертельно, не опасно.

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Ксения Ксению в жертву принесла,
«Умер мой любимый. Стану им сама».
Со своего ума сошла
И, как на льдину круглую,
Прыгнула в чужой.
В чужую память,
В чужие сны,
В шелковый камзолчик,
В красные штаны.
Бежит она и басом
Кричит в сырую тьму:
Живи — я исчезаю,
Живи — кричит ему.
Выбегает из Ксении,
— Ату ее, быстрей.
И вот она уже —
Опять живой Андрей.
Но жизнь плывет, чуть жжется,
Обоим не живется.
Придется выйти ей,
Да вот куда? — беда!
Пока ты уходила,
В твой дом стучала, била
Подземная вода.
Она размыла ум и сон,
И в эту пустоту
Тебе вселиться нету сил —
А токмо что Христу.

II. ШЕСТЬ БОЛЬШИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ГОСТИНИЦА МОНДЭХЕЛЬ*

И. Литвин

Мир наш — гостиница, это известно младенцу,
Номер бы дали повыше, чистое полотенце,
Дали бы чашку, я б слезы туда собирала,
Слышь — монд э хель, переведи, что сказала.
Если одно ты наречеь возьмешь — то получишь сиянье,
Если второе и третье — то злое навек наказанье.
Ты надолго ли к нам, в наш отель, постоялая тень?
На один только долгий, прерывистый, на один только день.
Мир наш — гостиница, это младенцу известно —
Он ведь блуждал в коридорах и жил в номерах его тесных.
Слезную чашку возьму, выпарю, чтобы кристаллы осели.
Я сама солинкой была, да растворили и съели.

Раз на Морской в грязной парадной старинной
Надпись алмазную вдруг увидала в стекле, буквы крошились:
«Я — Елена Блаватская» начертано было, длинный
Шел снег за окном, глаза белые в нем залучились —
Волчьи не волчьи, не птичьи, не человечьи.
«Я здесь была и по этим ступеням спускалась,
Снова взойду, а ты мне спускайся навстречу».
Хлопнула дверь вниз. Колоколясь, тень подымалась?
Снега шакальи резцы и изразцы леденились.
Только кажется нам — я одна, я один —
Спим мы в постели одной и одно и то же едим.
Ближе, все ближе шаги, неужели ты, демоница?
О, слава Богу! С опухшею рожей
Мимо скользнул, подмигнув, пьяный прохожий.
Ты не хозяйка мне, знаю сама свой треножник —
Вот он стоит на морозе меж Лахтой и Черною речкой,
Дым от него, здесь я и жрица,
И черная злая овечка,
В жертву приносят ее, а я убегаю,

* Если прочесть это слово по-немецки (с французской связкой), выйдет «ясная луна», если же первую часть слова — по-французски, а вторую — по английски, то: «мир — ад».

И дрожу, как огонь, изнываю,
И «де профундис» ору,
И, Боже, Тебя призываю,
Белую водоросль рук к небесам воздеваю.
Так я до срока жила, но потом понесла от мрака
Черное облако, и оно меня поглотило,
И затмило мне свет,
И милые лица разъело и растворило.
Кажется, будто черно, изнутри же оно желто-серо,
Кто-то руки мне тянет, любовью спасти меня хочет,
Но и его растворят холод и тьма этой ночи.

Труп дворняжки — видела — бросили в нашу речку.
Кирпичи привязали, ахнула речка всем покровом
тонким своим ледяным,
Звук был такой, с каким рушится сердце,
Когда скажут — «он умер» (о тебе), и становишься
сразу нагим.
Вот смотри — этак! Вот так — выпроваживают отсюда нас!
Вон! И больше не пустят ни в Москву, ни в Двину,
ни в Кавказ.

Вошла, я помню, в комнату простую —
Портьера, коврик, шнур,
Луна в окне, ободранные стулья,
На потолке разгневанный Амур.
И зеркало, в котором видно только
Слепое облако и низенький диван,
Охота выцветшая, палевые волки
И в центре будто пьедестал.
А в коридоре охали, зевали
Три малолетние цыганки,
Они за горничных (вы, девы — Мойры, Парки?) —
Всё что-то пряли, штопали, вязали.
Всё рожи хрюкали, и коридорный всё лаялся и лаялся
со мной,
Я думала, что это — просто скука, а это —
скука вечности самой.
Справа сосед, постучу ему в стенку,
Сам он — дракон, но с лицом канарейки,
В покер играем мы с ним не на деньги,
Денег у нас отродясь не бывало,

Душу ему я давно проиграла.
Слева тоже живет интересный такой человек —
Ноги к шее его прикипели и задралися вверх,
Так и скачет пародией на серафима,
Говорит — ну куда тебе деться? Ни бумаги, ни вида,
Из любого отеля прогонят, ото всех тебе будет обида.
Если себя ты не видишь, то как себя вспомнишь?
В зеркале нету тебя — так, лишь облако, эфемерида.
Ничего — говорю — звезд так мало, а нас очень много,
Мы — набор комбинаций, повторений одних,
Как лекарство, составлены мы в аптеке небесной,
Как смешение капель и сил световых.
И вернусь я Луной на Луну, и Венерой к Венере,
Не узнают они, пусть разодранной, дщери?
Семена мы и осыпи звезд.
Я дорогу найду, из ветвей своих выстрою мост.

Гостиница, каких, должно быть, много,
Я расплатилась, кошелек мой невесом,
Поежишься пред дальнею дорогой,
При выходе разденут — вот и всё.
И упадешь ты — легкий, бездыханный —
В своих прабабок и приложишься к цветам,
Тропую темною знакомою туманной
Всё ближе, ближе — к быстрым голосам.
Взвесишь тогда, пролетая, свой день и свой век.
Помню — счастлив однажды был мною один человек,
Целовал в замерзшие губы рабочую лошадь, что
стояла, под грудою ящиков горбась.

В пропасть
Вспомнила, падая,
В этом круженье, паденье
Вспомнился мне еще тот, что в этой гостинице тенью
Скользнул, в желтую стенку лбом колотился —
Экклезиаст! — это он, тьма от тьмы и тьмой поглотился.
Всё я забыла — любовь, вдохновенье и мелкую радость,
Только смерть под горой голосила,
Да зубами щелкала старость.
Экклезиаст! Черный гость, постоялец, вампир!
Здесь ты жил? Ну и что же? Чего присосался?
Без любви, без креста — вот он, твой мир,
Я же — свет и огонь. Сухо он рассмеялся.

Отпустите меня! Не хочу! Выезжаю.
Проигралась. Всё золото незаметно спустила.
А тебе, будущий, знак на окне «мондэхель» вырезаю.
Пей из рюмки моей, ешь из миски моей,
Мне ж земля не последняя будет могила.
Пусть погасла свеча, но огонь всё горит,
Я не этого боюсь, неминуемого,
Я боюсь океана огня хрипучего,
Что тихий свет поглотит.

Если сладко когда оно было и мило,
Это мимотекущее бытие,
То когда меня рыбой на трезубце вносило
Вдохновение в воздух — вот счастье было мое.
Вот прольется микстура, снадóбье земное,
Или звездное, хлынет к огням седым,
Когда я замолчу — запоеет ли камень немое
И заноеет гуденьем глубоким зубным?
Тот же знак — ножку буковки каждой обвивает, как хмель,
Крошечный, дрожит в словах,
Шепчет бабочка — мондэхель, мондэхель,
Вместе ясный свет и темный страх.

КОВЧЕГ

Ковчег тонул во тьме, плясал в волнах.
Болталась на воде посылка роковая,
В ней жизни меркли семена,
И тверд был только Ной, на Слово уповая, —
Оно во тьме обрушилось, как дождь, —
«Погибнут все. Ты не умрешь.
И те, кого с собой возьмешь».
И на глаза упал чертеж.
Рубил, пилил, строгал — теперь
(Смолил) меж кровью и водой
Законопаченная дверь,
И ящиком играет Бог,
Как будто львенок молодой.
Подымет в небо, а потом
В пучину бросит,
Со дна достанет, закружит
И в пасти носит.

Огороженное плывет дыхание,
И все певцы его хора
Смотрят на Бога и на моря зданье
Из-за забора.
Всех надо Ною накормить,
Всех, кого запер в сундуке:
В подвале — тигров, в клетках — птиц,
Да и своих на чердаке.
А на крыше сидит великан Ог,
Привязался — орет во тьму,
Он сошел с ума, и ему
Просунуть надо кусок.
Звери воют, люди вопят,
Огромную погремущку выщебетали птицы.
Пахнет, как на вокзалах, и змеи свистят,
И горят кровавые глаза лисицы.
А снаружи звук — как будто кровь,
Если уши заткнуть.
Пахнет слезами мое изголовье,

И не уснуть.
Кто в эту мокредь и муть
Наш следит путь?
Там, где выщербины от звезд,
Выколупанных могучей десницей,
И дальше еще, где галактики рот
Жизнь изблует (чтоб ей провалиться!),
И замкнутся за нею стальные ресницы.

Все это время Бог был там —
Внутри смоляной коробки,
Вздрагивал от Него гипшопотам,
Тигр дугой выгибался, робкий.
Лапы, жала, рога, хвосты,
Клювы, плавники, глаза и губы —
Все высвечивалось из темноты,
Он не знал, как все это Он любит.
Он смотрел из огненного тумана
На шерсть, на множество мелких зеркал.
О, если б жалость была, гром бы грянул,
Все исчезло б, но жалости Он не знал.
И на минуту глаза закрыл Он,
Примериваясь, как будет без них,
Все исчезло, и все уснули,

А когда проснулись, ветер стих.
И когда их принесло к горе —
«Арарат!» — Ной ее позвал,
Он не ведал о перерыве творенья,
О кратком сне и новой земле не знал —
Что они на другом конце мира от прежней,
Но с похожею кожей, с вином надежды.
Одноглазый Ог ногами болтал.
Он-то знал, что все было новым,
Что заново их Господь сотворил,
Правда, по образцам готовым,
И в жилы им новую воду влил.
Тяжко на землю спрыгнул Ог,
Поскользнулся и замычал,
И молча, как вымокший коробок,
Ковчег на земле лежал.
Первым протиснулся человек,

Младенцем, разорвавшим лоно,
На эти кроткие черные склоны.

О, всякая мать — ковчег!
Носила ты живую душу
В морях, под ливнями,
Все птицы вылетели, на сушу
Все звери хлынули.
На гору, плавно вырастающую,
Они просыпались, как снег,
Вздохнуло море, тихо тающее,
Как души, к смерти отлетающие:
О, всякий человек — ковчег.

COGITO ERGO NON SUM

**Взгляд на корабль, на котором высылали
философов-идеалистов в 1922 году**

Гудит гудок, гудит прощальный,
Корабль уходит, он — неявно —
Стручок гороховый, и много
Горошин сладких в нем.

Или скорее — крошки хлеба,
Что резко со стола смела
Крепкая чья-то рука
Куда-то в сторону ведра,
Забвенья, неба.

С причала, в кожаном весь, грозный человек
Раскинет скатерть синюю в дорогу —
Ищите, милые, вы в море Бога,
У нас Он не живет, не будет жить вовек.

Так Россия голову себе снесла,
Так оттяпала,
Собственными занесла лапами
Залива ледяное лезвиё,
Но и в голове, и в тулове
Кружились зрочки ее.

Голову свою потеряв в морях,
Решив: cogito ergo non sum,
В бессудной бездне на Бога была руках,
В быстрине грозной.

Вот философии ковчег
Плывет на Запад — ниже-ниже,
Он опустился, где всплывет?
Должно быть, в лондоне-париже.

В Балтийском море в ноябре
Бывают бури-непогоды,

Как будто сбор шаров бильярдных
В коробке бурно носят воды.

Я отдаю себе отчет,
Что то был мощный пароход,
Но тридцать мачт на нем взошло,
И полы пиджаков раздуло.
И в океан их унесло,
Водоворотом затянуло.

Видали дикий пароход
В Гольфстриме, на Галапагосах,
И эти тридцать мудрецов
Теперь охрипшие матросы.

Труба упала, паруса,
Остался остов,
И если море — это дух,
То разум — деревянный остров,

Ковчег, но твари не по паре,
Всяк за себя, но вместе все в полет
По следу Бога — стайки рыбок,
Которых кит невидимый ведет.

Корабль встал — кругом все суша, тина,
А сам он — вопреки природе — водоем,
Оазис в плоской той пустыне,
Где здравый смысл сжигает все живьем.

Я запустила девять глаз
В пространство — чтоб они парили
Под килем, в небе, вокруг вас,
На мачтах гнезда себе свили

И слушали, что говорили.

Но различали они только
Гудение огня,
Да быстро шлепавшую лопасть,
И ускользает от меня
Корабль в заоблачную пропасть.

Я вижу, он летит
Во глуби вод,
На части его рвет, крутит
Водоворот.

Я подхожу к морскому берегу
И вижу — как наискосок
Плывет, раскрыта, книга белая
И утыкается в песок.

**ВОЛЬНАЯ ОДА
ФИЛОСОФСКОМУ КАМНЮ ПЕТЕРБУРГА
(с двумя отроутками)**

А. Кузнецовой

Почто, строитель многотрудный,
Построил ты сей город блудный,
Простудный, чудный, нудный, судный,
Как алхимический сосуд?
Смешал ты ром, и кровь, и камень,
Поднес к губам, но вдруг оставил
И кинулся в сей тигель сам.

Потом уж было не в новинку,
И кинул каждый, как кровинку,
Жизнь свою в стиснутый простор,
И каждый должен был у входа
Под зраком злобного мороза
Лизнуть топор.
И сотни языков упали
К твоим вокзалам и садам,
И корчились, и щебетали
Грядущего ушам.

Я занялась игрой простецкой
И, может быть, немного детской,
Скажу тебе не по-турецки —
Где камень — клад.
Углем он гибнет в мгле подспудной,
Болотистой, багровой, рудной,
Пока мертвец.

Там, где убитый царь Распутин
В кафтане ярко-изумрудном
Грызет свой череп, а глазницы
Его задвижками закрыты,
За ними он — тот камень чудный,

Увядший, сморщенный, разбитый.
Пройдусь вдоль милых я строений,
Вдоль долгих каменных растений,
Раздвину я бутоны их —
А там такие бродят тени,
И лепят бомбы, как пельмени,
И взрыва шум еще не стих.
Там поп, задушенный мозолистой рукой,
И кровь январская под Зимний
Течет и вертит, как ковчег.
Там Ксения, придя домой,
С босых ступней стряхает снег.

Что ж, долго я, как червь, лежал,
И конь царев меня топтал.
Но голос Камня вдруг позвал,
И вот я встал перед тобою
И от тебя не побежал.

Иди же, царь, в «дворец хрустальный»
С курсисткой стриженою пить,
Тебе меня не победить.
Я сердце подниму высоко
И выжму в тяжкий твой фиал,
Чтоб камень пил во тьме глубокой
И о себе пробормотал.

Для этого немного надо —
Вещицы мелкой или взгляда,
Совы, быть может, на углу,
Иль просто — чтобы силы ада
Крест начертили на снегу.

1

Растет, растет рассвет.
Заканчивая опус,
Я замечаю — что
Лечу давно уж в пропасть.

Сама ль оступилась,
Скользнула с краю,

Иль кто-то подкрался,
Толкнул — не знаю.

На главе моей тяжесть,
На тулове — сталь,
Лечу я, вращаясь,
Туда, где — Грааль.

Унылых скал круженье,
Ущелье одиночества,
Но это не паденье,
А долгое паломничество.

Дома встают из тьмы,
Тяжелые, как башни,
В Святую землю мы
Летим, и нам не страшно.

Рыцарь паденья,
Каменных льдин
Перчатку творенья
Несет паладин.

2. Где может быть Камень

В глазу грифона,
В лапе сжатой льва-исполина,
В любви Сфинкса.
Вот идет человек,
Мозг его — пестрее павлина.
Вовсе ему не страшно.
Помнит себя и всех он,
Возьмет он и прыгнет с башни,
Исполняя судьбу ореха.

ЖАРЕННЫЙ АНГЛИЧАНИН В МОСКВЕ*

(Миг как сфера)

1

Пробил колокол к вечерне —
Смерти миг для Елисея.
Медленно венец из терний
Опустился на злодея.
Палачи, хоть с неохотой,
Привязали его к палке,
Развели огонь в палатах:
«Царь велел, гори, проклятый.
Видно, царь оголодал наш,
Хочет редкого жаркого,
Хочет каждый день инова,
Он на то и государь...»

2

Колокол вечерний длится.
В этот миг Адам, отец наш,
Скользнув по времени древу
(И душа еще нерожденная —
позднего сева петербургская птица —
по ветке напева), — смотрит внутрь — и дивится.
Во времени чужом нету прав у нас — немые,
Не говоря уж о том, что не мы.
Дух чужой мерцает в круглом флаконе,
И там пляшет бесенок — сын сатаны.

3

При конце заката, на острове — в пустыни
Молит Бога обо всех святой отшельник,

* Речь идет об английском враче Елисее Бомелии, который сперва ревностно служил Грозному, изобретая яды для его врагов, а потом, обвиненный в предательстве, был казнен тем мучительным способом, о котором здесь говорится.

О немой и говорящей твари
И о мертвых, что молчат так громко.
«Кто бы в мире крест сей миг ни нес —
Дай немного от его мне доли».
Он хватает долю, как мурашка,
И бежит в убогую пещерку.
А тому, кто в этот миг вертелся
Как перегоревшее жаркое,
Сон был послан — что во сне он жарим,
А проснется — радость-то какая!

4

Пробил колокол к вечерне.
Вздрогнул царь в постели, древний
Византийский список бросил
И, покряхтывая, встал.
Целый час уже, наверно,
С аглицким стеклом читал.
И устал — пора к вечерне.
В клетке у окна певец
Застонал и вдруг заохал,
Византийская парча
Передернулась сполохом.

— «Вы, там! Потише жарьте бусурмана,
Велю я жить ему до самого утра».
Как бы по Божьему веленью
Спускалась ярость на царя.
— «Не против плоти наши боренья,
Но пусть злобесный в плоти пострадает!
Когда б не матушка, не плоть,
За что и душку уколоть?» —
Хихикнул. Испугался — ну как бес
Мне в душу выползнем залез?
Нет, это страшный огонь небес.
Как по стене прорезалась черта
И через душу, через сердце — слева —
Шипящий раскаленный камень гнева —
В ночь бархатную живота.
И воздух, комната — все будто закипело,
И это Божие, не человечесье дело.

5

Бояре, затворясь, бормочут: яда
Он не жалел для нас, и так ему и надо.
Колышет ветер крепких слов ботву,
А в корне их: пора, пора в Литву.

6

Где зóри не слышно вечерней,
В избушке замшелой
Волхв вертит фигурку, на ней корона.
Он ей пронзает сердце восковое
И стона ждет, но не услышал стона.
Швыряет в кадку, где пасутся черви.
Еще не вычерпал всю бочку виночерпий
И царской жизни темное вино.
Еще он правит, и мантия еще струится с плеч,
Но проклят нами он давно,
Его заждались смерть и печь.

7

А там вдали — где остров Альбион,
Сестре Бомелия приснился страшный сон.

8

Шел снег во тьме. Из церкви слабо
Сквозило тихое томительное пенье.
Рыбарь вез мерзлых щук, и на ухабах
Они стучали, как поленья.

9

Когда же сняли головню еще живую
И, веки приоткрыв, она шепнула: «Oh, my Lord»,
То солнце глухо-красное скользнуло
Быстрее, чем можно, под московский лед.

ПОРТРЕТ БЛОКАДЫ ЧЕРЕЗ ЖАНР, НАТЮРМОРТ И ПЕЙЗАЖ

1. Рассказ очевидца (жанр)

Мимо Андреевского рынка
Шел в блокаду человек.
Вдруг — невероятное виденье:
Запах супа, супа привиденье!
Две крепкие бабы
В тарелки суп наливают,
Люди пьют, припадают,
Глядя себе в зрачки.
Вдруг милиция —
Из рук тарелки выбивает,
В воздух стреляет:
Люди, вы едите человечину!
Человечину!
Бабам пухлые руки заломили,
На расстрел повели,
Они шли и тихо выли,
И из глаз их волчьи лапы
Воздух рыли.
Не успел насладиться прохожий.
Птица клюет с земли — ей же хуже.
И пошел, перешагивая чрез мертвых
Или их обходя, как лужи.

2. Натюрморт

Помойные сумерки плещут в окошко.
Юноша горбится нетерпеливо,
В кастрюлю взглядывая суетливо...
В ней булькает кошка!
Ты пришла, он сказал — «кролик»,
Ты поела, он хохочет так дико.
Вскоре он умер. Ты по воздуху тихо
Чертишь углем натюр (о поистине!) морт.
Свеча, обломок столярного клея,

Пайка хлеба, горсть чечевицы.
Рембрандт! Как хочется жить и молиться.
Пусть леденя, пусть костеня.

3. Смещенный пейзаж. Лестница, двор, церковь. *(бумага, уголь, воронья кровь)*

Уже не брата и не отца —
Тень вели,
В крестец подталкивая дулом.
Так же болталась голая лампочка,
Из подпола дуло.

За этой сырой синей краской — желтая, за ней зеленая,
До пустоты не скреби, не надо,
Там штукатурка и испарения ада.
На, жри, картофельный розовый цвет.
Больше у тебя ничего нет, кость моя, блокада!
Что ты жрала? Расскажи мне:
Иней с каменьев синий,
Червей, лошадиную морду,
Кошачий хвост.
Бочками человеческих рук, пучками волос
Питалась. Воробьями, звездами, дымом,
Деревом, как древоточец,
Железом, как ржавь.
А во дворе человека зарезали без ножа
Запросто прросто.
Из раны, дымясь, вытекал голос.
Он пел о горчичном зерне и крошечке хлеба,
О душе крови.
Под слабым северным сияньем
Желваками ходило небо.
Блокада жрала
Душу, как волк свою лапу в капкане,
Как рыба червяка,
Как бездонная мудрость слова...
О, верни всех увезенных в даль
В кузове дряблого грузовика,
Звнящих, как вымерзшие дрова.

Великая пятница. Пустая голодная церковь.
У дьякона высох голос, он почти неживой,
Тени гулко выносят плащаницу —
Священник раскачивает головой:
«О, теперь я прозрел, я понял —
Ты очнулся от смерти больной,
Тебе не поправиться, погибель всем нам».
Кровь моя стала ледяным вином,
Уробор прокусил свой хвост.
Зубы разбросаны в небе
Вместо жестоких звезд.

III

В кожу въелся он, и в поры,
Будто уголь, он проник,
И во все-то разговоры —
Русский траченный язык.
Просится душа из тела,
Ближе ангельская речь.
Напоследок что с ним сделать —
Укусить, смолоть, поджечь?

УТРО ВТОРОГО СНЕГА

Ворона, поднявши рваные крылья,
Что-то крикнула и улетела,
Потому что зима пришла,
Площадь бельмом белела,
Поземка свечою шла,
Где-то на Петроградской
Старой слепой стороне,
Которой привычное дело
Гореть в ежегодном огне.

Луны невнятное пятно
Казалось никому не нужным,
Светили звезды так светло
Огнем чахоточным недужным.
В потемках зимних, будто крот,
Унылый школьник на убой
По снегу синему бредет.

Кофейник на огне плясал,
Кастрюля рядом с ним ворчала —
Казалось бы, чего ворчать?
Ведь это не она вставала
Сегодня утром ровно в пять.

Шел человек, к его макушке
Была привязана сверкающая нить,
Витого снега бечева, —
Чтоб с облаком соединялась
Его больная голова.

А город всех святых встает, как на убой.
Святых идет большое стадо,
Глазами белыми светя перед собой.
Куда ты — всё равно, и надо
Идти в потемках за тобой.

Желтеют школьные окна
Задолго до рассвета —
Дрожащая планета.
Пока она до сердца
Звоночком добежит,
Исподнее черновиков
Одно тебе принадлежит.
Листы мерцают оловом,
Полки неровных букв.
Когда подымешь голову,
Уже светло вокруг.

Собака и нищий,
И девочка плачет,
Луна все белее летит, —
Ужели для всех одинаково значит
Весь этот простой алфавит?
Ужель и у тебя душа,
Размноженный прохожий,
Такая ж дремлет, чуть дыша,
Под синеватой кожей?

А снег бежит, как молоко,
Как лошадь в белой пене,
А молоко, что от рожденья
Лежит в кастрюле без движенья, —
В звериной лени.

Под белую звездой бредут
С бубенчиками два быка,
Мутнеет снизу синева,
Земного вечера тоска.
Американскую ромашку
Коровы приминает бас,
И вечер сам плетется в стойло,
Прищуривая синий глаз.

ОБ ОДНОДНЕВНОМ ПОСТЕ
И ТАКОМ ЖЕ КОТЕНКЕ
(Двойной смысл
в последних двух строчках)

От тьмы до тьмы
Ни крошки в пасть,
Нельзя нам пасть.
Нас тьмы и тьмы,
И мы живем от тьмы до тьмы.

Вот солнце тянет длинный луч,
Под землю тянет, мучит.
О, скоро лягу, завернусь
В одежду чистой тучи.
И голод, маленький как моль,
Мне придушить легко.
Блажен, блажен котенок тот,
Что не пил молоко.
Его сухим остался рот,
И «я» прилипло к «мы»,
Он только пискнуть и успел
От тьмы до тьмы.
А нам все должно пожираться,
Мир собирать в сумы.
Скажи — что хочешь ты еще
От тьмы — до тьмы?

СМЯТЕНЬЕ ОБЛАКОВ

Светлане Ивановой

На теплой выжженной траве
Не час, не два,
Не жизнь, не две...
Вздуваясь кругло, облака ходили, будто корабли,
И вдруг промчалось низко так
Одно, дымящее, как танк,
И унесло с лица земли.
Кружась, смеясь, летела я
В пустыню дикобытия,
Как лист с дерев,
Где нет дерев.

Потом на облаке другом
Я возвращалась в старый дом,
Смотрела сверху на траву,
Завидовала муравью,
Что он не плачет.
И муравей в траве привстал,
И бронза щек его — кимвал,
И сердца каменный кристалл
В нем лязгал глухо и сверкал,
Он ожерелье слез сухих
Чужих перебирал.

А я валялась в облаках,
В стогах пышнейших,
На бело-розовых полях
Нежнейших,
И, как дельфин, вращалась в них,
В шафранных, апельсиновых,
Набитых пеною густой,
В их парусах, перинах...

На ярко-розовом клочке
Повисла и носилась,

В космический пустой карман
Оно клонилось.
И запах облаков пристал —
Он стойкий, громкий, будто мухи,
Он пахнет мокрой головой
Отрубленной черемухи.

ВЕРЧЕНЬЕ

Кружись, вертись!
Раскинутые руки,
Вращаясь, струят ветер,
А после ветра диск
Сам понесет.
Ты превращаешься
В водоворот,
В безумный вихрь,
В вертеп, в вертель,
И вот уже вокруг тебя
Несется мира карусель.

Уже вокруг летящей плоти
Кружатся памяти полотна
(Они пришиты так неплотно),
Одежды двойников моих,
И хлопают на повороте.
Но что «я»? Ось.
Я устаю,
Смотрю я вкось
На звезд прилипших стаю, —
Все ж у земли сырой во власти,
Боюсь — я вылечу из вихря.
И падают с худых запястий
Венеры и Гермеса гири.

САЛАМАНДРА

Саламандра нежится в огне,
Дымом дышит,
Пьет золу.
Жарко ей и больно ей в воде,
В воздухе ей душно —
На земле ей скучно.
Ты одна — насельница огня,
Ты живешь и в сердце у меня.
Кровь мою закатно золотит,
Память мою пепельную ест.
Поживи еще — душа горит,
И горит и не сгорает крест.

О человеке я слыхала рано:
Венец творенья, призрак или сон.
Теперь мне кажется, что он
Есть только мыслящая рана,
Пульсирует, пронзен.

Повсюду — и на небе, и в пещере
Его догонит боль.
Но радуйся — еще не пахнет серой,
Еще, как твердый снег и серый,
На кровь не сыплют соль.

СТАНСЫ О НЕПОЛНОЦЕННОСТИ МИРА

Весь мир неправильный —
Здесь время течет разное,
В душе иначе, чем на небе,
В уме инако, смерть заразна,
И яд незримо зреет в хлебе.

Неправ был Бубер —
В Боге нету «ты»,
«Ты и Оно» — где мир и ад,
Условные и временные «Я»
Даны от Бога напрокат.

Честней сказать мне о себе — «она», молясь,
А «я» скорее бросить в света мрак,
«Она» не умерла, а «я» умру,
Она боится денег, пьет табак.

И я бы называла себя в третьем...
Но Бог привык к бесчисленному «Я».
А херувим огнем за небом машет,
Мешая подойти, мечом вертя.

Давно поблекло неба полотно,
Звезда петляя, а луна хромая, —
Они забыли, верно, уж давно,
Чему Господь учил, играя.

ПЕРЕД РОЖДЕНИЕМ

Я, вися у тебя в животе,
Все плыла и росла,
Как тритончик, птичка, щенок...
Вишня сердца, толкнувшись, пошла.
Так ни с кем никогда не слиянно,
Никогда так спокойно дыша,
Но, как мышь полунощная, шумно
Налетела душа.
На приданое грозно она посмотрела
И встряхнула легко,
На себя, пламенея, надела
И толкнулась, вздохнув глубоко.
Не хотела я, сжимала
Свой с наперсточек кулак,
Вишня громче застучала,
И — прощай, мой алый мрак.

Огнем потаенным сиять —
Угольком, зажатым в ладонь,
Плыть Ионой в большой треске
По дымящей морозом реке,
Быть иконой, зарытой в песке,
Так уж выпало — быть таким,
Кто до времени крепко таим...
Быть проглоченным в муках кольцом,
Быть личиной, лакуной, ликоней,
Быть молчанием в ухо царю —
То, что вышепталмыш из-под трона.

ДУХОВОЙ ПРАЗДНИК

Завыли грубо трубы
В прямых руках солдат,
И листьями зашлепал
Весенний пыльный сад,
И флейта заструилась,
Ручьем она бежит.
К чему мне эта флейта,
Зачем мне это лето
Упало и дрожит?

Опрыскал месяц красный
Весь мир ему подвластный
Бобровую струей.
Нет, нет, ты позабыла —
То солнце заходило —
Багровое знобило
Под синею скулой.

Тут офицер с женою,
Прямась, кружили вальс,
И Пьяница-девица
Седая — тоже в пляс.
Коленями кидалась,
Прищуривалась всяк
И меж детей веселых
Упала враскоряк.
В глазах ее светился
Любви гнилой маяк.

Пивные алкоголики
Бутылки приподняли
И в них трубили долго
И пеною плевали.
Собаки хлопотали,
А птицы улетели.

Вдруг странно покачнулся,
Упал худой трубач.
Он жизнь как будто выронил,
И звякнула — медяк,
Он жизнь как будто выдохнул
В серебряные свивы,
В густые переливы,
И не вдохнуть никак.

Она летала в лабиринте,
Она вертелась на рулетке,
Проснулась золотым орешком
В веселых лапах пышной белки.

Ленивый льется дождь.
И так же я лениво
Проаживаюсь, как
Горизонтальный дождь,
Вдоль палисадников туманных,
В оспе яблонь
Стараюсь я забыть
Все, что забыть не в силах,
И мысль моя, с дождем
Сойдясь, рождает крест.

Нежданно лето налетело
(Весну как будто пропустили),
И листья в почках засвистели,
А птицы лаковые кольца
В опухших горлышках вертели,
Потом раскидывали с крыши
Серебряную мелочь — в вечер.
Ты знаешь, я стремлюсь не слышать
Что птицы страстные щебечут.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ

Тому Эпстайну

Человек граничит с морем,
Он — чужая всем страна,
В нем кочуют реки, горы,
Ропщут племена,
В нем таятся руды, звери,
Тлеют города,
Но когда он смотрит в точку —
Тонет, тонет навсегда.
Человек граничит с морем,
Но не весь и не всегда, —
Дрогнет ум, потоп начнется,
Хлынет темная вода.

СМЕРТЬ ВЯЖЕТ

Что ты умрешь — ужели вправду?
Кто доказал?
Чужие руки прикоснутся
К твоим глазам.
И не польется свет оттуда
И ни туда,
Лишь тихо шепчется с землею
Твоя руда.
А смерть подкинет на колене
Шаль иль платок
И вот — ко всем тебя привяжет,
Вонзив крючок.
И вот тебе уже не больно,
Вдали юдоль...
Смерть машет спицей недовольно.
Ворча, мол, моль.

ЧЕРНАЯ МОЛЬ

Книгу жизни в середине открыть,
Если боль — там чудесная боль,
Но уже в корешке затаилась
Черная жирная моль.

Лучше бы в море ее бросали,
Лучше б разъела едкая соль,
Чем эта — жрущая с конца и начала,
Ненасытимая моль.

О, теперь я узнала тебя!
Это ты торжествуешь, проклятый, —
Ангел смерти, тупой Самаэль,
И твои слепые солдаты.

АСТРОЛОГИЯ

Сатурн с Меркурием сойдутся,
И ваши вены разорвутся,
А Марс под Львиный хвост вопьется —
Война нещадная начнется.

Как странно — миллионы нитей
В одних и тех же сходятся руках!
Бессчетность маленьких событий
В морях и кровяных тельцах
Сокрыта в пляске огненных шаров,
Всего лишь девяти...

А тот, кто играет звездами,
Играет одной рукой,
Смотрит глазом одним.
Об этом странно думать под небом дневным,
Когда безмятежен лазурный покров,
За его голубыми волнами
Ходят парами звезды, тащат улов,
Разноцветными взблескивая глазами.

ЗАБАВЫ (*Осьмнадцатый век*)

Званный обед

Карлик упрятан
В жаркий пирог.
В жару тестяном
Плачет он, одинок.
Лук вопиет, смердит паштет.
Когда настанет нужный момент,
Хлопнет в ладони мажордом,
И карлик, вскочив, вскричит петухом,
Взвизгнет: «Кука! Кукареку!» —
Шпагу придерживая на боку.

Будни

Снег безутешно идет,
Девки чешут барыне пятки
И смеются украдкой,
Ум уплывает в пальцы,
Печка жарко гудет.
Барыня откладывает пяльцы,
Закуривает чубук.
И думает: где бы наук
Набраться? Уехал мой друг,
Забрал и ребяток.
В Париж? В Петроград?
Отчего чесание пяток
Насладительней в снегопад?..

Масон

Здесь в поместье мне привольно,
Но не пьется и не курится,
Все читаю Сведенборга,

За которым Бог ходил по улице.
Я помню потолок июньский
В масонской ложе на Морской,
В старинный гроб, немного узкий,
Я бросился вниз головой.
Вход в Соломонов храм был рядом —
Между колонок «В» и «J»,
Но все кончалось попойкой
И грубым словом «абраксас».

ЗАКАТ НА VERTS GALANTS*

Пропела птица —
Будто повернула
Три раза ключ.
И Солнце выдохнуло и вдохнуло
Последний луч.

Затихла птица —
Будто повернула
Уключину на сломанном весле.
На Verts Galants, в закате это было,
Где медленно сгорал Жак де Моле.

А Солнце все равно утонет в Сене,
И не сказала я ему — постой!
И не просила. Я вдруг стала просто
Живою устрицей, лимонной пустотой.

* Verts Galants — остроконечный островок на Сене, под Новым мостом, устремленный на запад, навстречу другим кораблям.

ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ № 4
(За границей)

Вдруг брошу книгу и бегу
В ночную даль
Искать проулочек глухой,
Где удавился де Нерваль,
Но нет его — на месте том
Торговый дом...
Но вот уж там, где жил Фламель,
По стенке ногтем проведу,
И в жизни, может быть, другой
Дом алхимический найду,
И в каждом граде образую
Свои потайные места,
Которые меня запомнят,
Запомнят на свое всегда.
Я если даже там не буду,
Они запомнят все равно,
Как помнят легкий ветер странный,
Провеявший давным-давно.
И если даже в Антарктиде
Я окажусь, я там найду
В порезах и ушибах льдину
И взглядом нежно обведу.
И так разбросаны повсюду
Владенья легкие мои —
Гора под Кельном, храм в Белграде
И по лицу всея земли.
Под Лугой — лужа, в Амстердаме
Мой голубь под мостом гулит.
Он мой солдат и соглядатай
На родинке моей земли.
Да-да-да-да! Я император
Клочков, разбросанных вдали.

ГОСТИНИЦА НА СКРЕЩЕННЫХ ШОССЕ

В отравленном предсердии Европы,
В гостинице на скрещенных шоссе
Я, будто Шива, руки простирала,
Тряся машинами на жутком колесе.

Они скользили вдаль и разбивались.
Они, взрываясь, рассыпались в искры.
Траву, засохшую уже в начале лета,
Подкармливала я дешевым виски.

Неба надо мной шуршал
Шарманочный затертый вал,
А смерть все это время развлекалась
Не с тем, кто ее звал и заклинал.

Она взглянула мне в окно — не щурясь
Я отвечала золотым глазам.
Ее стилет свистел и, занедужась,
Лишь воздух возле тела щекотал.

Д. Ш.

Синенький цветочек
На горе Сион,
Повторя «Отче»,
Рвется в небосклон.
Крохотный, лазурный,
К небу не дойдешь,
Как наступит осень —
На землю падешь.
«Следующей весной
Я пробьюсь повыше
Всею синевою,
И Господь услышит».
Вот земля горшечника,
Что купил предатель,
Здесь тоски нечистой
Небольшой загон.
Тени тут, как ночью,
Бродят, не любя.
Синенький цветочек,
Не сомну тебя!
Как мне было б жутко
Раздавить его,
Он глядит так кротко
В пятку синевой.
Закрывая очи,
Видит странный сон,
Будто он — цветочек,
Сын горы Сион.

Мне моя отдельность надоела.
Раствориться б шипучей таблеткой в воде!
Бросить нелепо-двуногое тело,
Быть везде и нигде,

Всем и никем — а не одной из этих,
Похожих на корешки мандрагор,
И не лететь, тормозя, как дети
Ногой, с невысоких гор.

Не смотреть из костяного шара в зеленые щели,
Не любиться с воздухом через ноздрю,
Не крутиться на огненной карусели:
То закатом в затылок, то мордой в зарю.

ТРАКТАТ О НЕРАЗДЕЛЬНОСТИ ЛЮБВИ И СТРАХА

Глухой: Бомба ли разорвется,
Подумаешь: «Я оглох».
(Не входи в темную комнату,
не зажигай света,
там может быть Бог.)

Слепой: Если вдруг что-то вспыхнет,
Подумаешь: «Я ослеп».
И превратишься в сияющий,
Но заколоченный склеп.
Тогда и входи в комнату,
Зажигай оранжевый свет,
Бога там больше нет.

Он теперь весь внутри.
Вы одни в темноте,
Нищете, тесноте.

ТРАКТАТ О БЕЗУМИИ БОЖЬЕМ

Бог не умер, а только сошел с ума,
Это знают и Ницше, и Сириус, и Колыма.
Это можно сказать на санскрите, на ложках играя,
Паровозным гудком, или подол задирая
(И не знают еще насельники рая).
Это вам пропищал бы младенец 6-миллиардный,
Но не посмеет, сразу отправят обратно.
Но на ком же держатся ночи, кем тянутся дни?
Кто планет и комет раздувает огни?
Неужели ангелы только одни?
Вот один, как бухгалтер, не спит, все считая
Мириады, молекулы. Только затея пустая.
И другой, подхвативши под руки птицу,
Скачет, смеется и странно резвится...
Может, и ангелы?
Подкожной безуминкой вирус и в солнце и в сердце.
Если вся тварь обезумела, Творцу никуда уж не деться.
Мира лопнула голова.
Холодно стало в раю. Морды кажут слова,
Их пропитанье — дурная трава.
И только надежда на добротолубие тех,
Кто даже безумье священное стиснет в арахис-орех.

СТОГА-УБИВЦЫ

Душистый вечер напролом
Бредет, подняв рога.
За ним безмолвною толпой
С полей бредут стога.
Бросай меня, стогов семья,
На травку разбери —
Семь глаз, стопу и уха три
В труху столки, сотри.
О, где ты, связка слез сухих,
Затеряна в соломе?
Шипи, шурши и шелести
О мягком костоломе.
Подняв дреколя вверх, идут
В ночи горбатой мгlistой.
Где вязка снов, как рыб живых?
Где узелок мой чистый?
Весь мир запутан, как кудель,
Ворсинки, ости, нити.
Зачем вы, злые колтуны,
Весь камень-мир казните?
Зачем смертельна мягкость рук,
Бесчисленность, безмерность?
Стог, разрыхляясь, звезды жрет,
Их прадедову нежность.

В СКОБЯНОЙ ПРОВИНЦИИ

Сколько в небо взоров возносилось.
Сколько с Луной слипались лица.
Звезды, звезды — это только гвозди,
Вбитые из вечности в глазницы,
Четырехугольные тупые,
Купленные в скобяной столице.

Сколько в мире мастерства железа!
Все в нем звякает, скрипит, скрежещет.
Вот и сердце в кузнецы подалось,
А едва умолкнет — затрепещет.

Это ли оковы, звенья, цепи?
Посинело или снова ало?
Ничего нет мягкого на свете,
Кроме раскаленного металла.

ДИТЯ В ГЕТТО В ОКРУЖЕНИИ БУКВ

Сегодня не вернулся «алеф»,
Вчера все прыгал надо мной
И звал играть на дубе старом,
На нежно-грубо-золотом.
Моя рука его носила,
Накреньясь и отделясь.
Алеф, ты меня умнее,
А я глупой родилась.
«Что, Басенька, ты вся трепещешь?
Открой глаза, умой лицо!»
Со стоном буквочка «омега»
На палец пала, как кольцо.
В окне качалась низко ива,
За стенкой взвыл вдруг женский бас
В холодном ужасе: «Скорее
Ребенка прячьте под матрас».
Все скрежетало, грохотало,
Храпел безмозглый грузовик.
И буква «шин» тремя свечами
Сгорела в сердце в один миг.

ЗАЖИГАЯ СВЕЧУ

Свечи трепещут, свечи горят,
Сами молитву мою говорят.
То, что не вымолвит в сумерках мозг,
Выплачет тусклый тающий воск.
Зря ль фитилек кажет черный язык,
Он переводит на ангел-язык.
Что человек говорить не привык —
Скажет он лучше, вышепчет сам,
В луковке света мечась к небесам.

ЗЕМЛЯ ТОВАРНАЯ

Луна висела, как столпотворенье,
Как вихревой комок,
Сплелись в ней лица, хищные растенья,
Псалмы, визг скрипок и стихотворенья,
Водоворот камней и волосок.

Я просыпалась, плавно прозревая...
Луна плыла в задымленном окне.
«Земля товарная» и «далеко до рая»
Шептал в висок мне кто-то, напевая:
«И больше нам не стыть в ее огне».

СОДЕРЖАНИЕ

Поминальная свеча	6
-----------------------------	---

I

Корона (<i>Столпник, стоящий на голове</i>)	8
«Никого, кроме Тебя...»	9
«Есть существа, чьи сны — молитва...»	10
«Старушка махонькая — так...»	11
«Я думала — меня оставил Бог...»	12
При черной свече	13
Сила жизни, переходящая в свою противоположность	14
Корабль в Балтийском море	15
«Черно-белая снежинка...»	16
Что делать с сиротой (<i>Инструкция</i>)	17
«Так надрывно и длинно вопил паровоз...»	18
Гном трехглазый	19
Времяпровождение № 3	20
«Не плясала б я на крыше...»	21
Письмо в город Провиденс поэту Хенри Гульду	22
Самоубийственное море	23
«Слезы льются по горлу...»	24
«Мы с кошкой дремлем день и ночь...»	25
Разговор с кошкой	26
«Напрасно мною выстрелит метро...»	27
Ксения петербургская	28

II. Шесть больших стихотворений

Гостиница Мондэхель	30
Ковчег	34
Cogito Ergo Non Sum	37
Вольная ода философскому камню Петербурга	40
Жареный англичанин в Москве (<i>Миг как сфера</i>)	43
Портрет блокады через жанр, натюрморт и пейзаж	46

III

«В кожу въелся он, и в поры...»	50
Утро второго снега	51
«Под белою звездой бредут...»	53
Об однодневном посте и таком же котенке	54
Смятенье облаков	55

Верченье	57
Саламандра	58
«О человеке я слыхала рано...»	59
Стансы о неполноценности мира	60
Перед рождением	61
«Огнем потаенным сиять...»	62
Духовой праздник	63
«Ленивый льется дождь...»	65
«Нежданно лето налетело...»	66
Антропологическое страноведение	67
Смерть вяжет	68
Черная моль	69
Астрология	70
Забавы (<i>Осьмнадцатый век</i>)	71
Закат на Verts Galants	73
Времяпровождение № 4 (<i>За границей</i>)	74
Гостиница на скрещенных шоссе	75
«Синенький цветочек...»	76
«Мне моя отдельность надоела...»	77
Трактат о нераздельности любви и страха	78
Трактат о безумии божьем	79
Стога-убивцы	80
В скобяной провинции	81
Дитя в гетто в окружении букв	82
Зажигая свечу	83
Земля товарная	84

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
- В. Салимон. Невеселое солнце
- И. Лиснянская. После всего
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов. Лепет
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский. Праздник
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...
- В. Дроздов. Стихотворения
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков. Стихотворения
- Д. Новиков. Караоке
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров. Парафразис
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон. Красная Москва
- В. Зельченко. Войско
- Б. Кенжеев. Сочинитель звезд
- А. Битов. В четверг после дождя
- Л. Лосев. Послесловие
- И. Лиснянская. Ветер покоя
- В. Гандельсман. Долгота дня
- Е. Шварц. Соло на раскаленной трубе
- Т. Кибиров. Интимная лирика
- В. Павлова. Второй язык
- В. Кривулин. Купание в иордани
- М. Ерёмин. Стихотворения
- С. Кекова. Короткие письма
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки
- Д. Новиков. Самопал
- Т. Кибиров. Нотации
- В. Соснора. Куда пошел? И где окно?
- С. Гандлевский. Конспект
- Б. Рыжий. И всё такое...
- П. Барскова. Эвридей и Орфика
- И. Лиснянская. Музыка и берег
- Л. Лосев. Sisyphus redux
- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы
- В. Гандельсман. Тихое пальто
- В. Павлова. Линия отрыва
- В. Коваль. Участок с Полифемом
- Е. Шварц. Дикопись последнего времени

Для приобретения указанных книг
обращайтесь в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24

факс: (812) 273-52-56

Ш 33

Шварц Е.

Дикопись последнего времени. Новая книга стихотворений. — СПб.: «Пушкинский фонд», 2001. — 88 с.

ISBN 5-89803-071-9

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Дикопись последнего времени

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2001

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 14.12.2000 г. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5. Заказ № 1457.

multiprint
ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

«Полиграфический центр «MULTIPRINT»

190000, Санкт-Петербург, Прачечный пер., 6. Тел./факс 812 315 33 10

